

Вильям Уэвелль

**История индуктивных наук
от древнейшего и до
настоящего времени**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
В46

В46 **Вильям Уэвелль**
История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени: Том 1 /
Вильям Уэвелль – М.: Книга по Требованию, 2017. – 612 с.

ISBN 978-5-518-07206-0

ISBN 978-5-518-07206-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЭРУ ДЖОНУ ФРЕДЕРИКУ ВИЛЬЯМУ ГЕРШЕЛЮ,

К. Г. Н.

Любезный Гершель,

И съ особеннымъ удовольствіемъ берусь за перо, чтобы посвятить вамъ эту книгу. Она заключаетъ въ себѣ результаты ряда мыслей, которыя часто были предметомъ нашихъ разговоровъ и начало которыхъ восходитъ ко временамъ нашего стараго товарищества въ Университетѣ. И еслибы я колебался когда-нибудь въ своемъ намѣреніи собрать эти размышленія и изслѣдованія въ одно цѣлое, то я нашелъ бы новое возбужденіе къ этому и новое сильное воодушевленіе въ вашемъ прекрасномъ сочиненіи о предметѣ подобнаго же рода. Потому что, читая это сочиненіе, я не могъ не находить въ немъ свѣжаго

очарованія, окружавшаго эту часть философіи; и хотя я сознавалъ, что не могъ бы ожидать себѣ такой обширной популярности, какую справедливо пріобрѣло себѣ ваше произведеніе, но я все-таки могъ думать, что нѣкоторая часть ея принадлежитъ самому предмету, и могъ надѣяться, что моя собственная цѣль была такъ близка къ вашей, что настоящій трудъ имѣлъ бы шансъ возбудить интересъ въ нѣкоторыхъ изъ вашихъ читателей. Что онъ будетъ имѣть интересъ для васъ, я ни на минуту не сомнѣваюсь.

Еслибы вы были теперь въ Англіи, я могъ бы остановиться на этомъ; но когда другъ уже многіе годы живетъ въ далекой странѣ, мы какъ будто пріобрѣтаемъ право говорить открыто о его хорошихъ качествахъ. Поэтому я не могу заставить себя положить перо, не коснувшись того чувства привязанности и удивленія столько же къ вашимъ нравственнымъ и общественнымъ, сколько къ умственнымъ достоинствамъ, которое пробуждается всякій разъ въ сердцахъ вашихъ друзей при воспоминаніи о васъ. Они съ радостью смотрятъ на свѣтлые лучи заслуженной

славы, окружающіе вашу голову, и еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ воспоминаютъ, — какъ сказалъ одинъ изъ нихъ, — что ваша голова еще не самая лучшая часть вашей природы.

Пусть ваше пребываніе въ южномъ полушаріи будетъ столько же счастливо и успѣшно, какъ благородна и достойна васъ его цѣль; и когда ваше предпріятіе будетъ исполнено, пусть вашъ возвратъ будетъ скорый и благополучный.

Всегда, любезный Гершель, вашъ

В. Уэвелль.

22 марта 1837.

P.S. Такъ писалъ я десять лѣтъ тому назадъ, когда вы были на Мысѣ Доброй Надежды, гдѣ вы трудились надъ великой задачей сдѣлать полный правильный обзоръ туманныхъ пятенъ и двойныхъ звѣздъ, видимыхъ для человѣка. Теперь, когда вы, я надѣюсь, черезъ нѣсколько недѣль положите послѣдній камень своего зданія публикаціей вашихъ „Наблюденій

въ Южномъ Полушаріи“, я не могу не поздравить васъ, что вы дали своей жизни новое достоинство, задумавъ и исполнивъ столь великое предпріятіе, и еще разъ выразить вамъ мое желаніе, чтобы вы еще долго наслаждались такъ справедливо пріобрѣтенной славой.

В. У.

Trinity College,
Ноября 22, 1846.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ предисловіяхъ къ прежнимъ изданіямъ этой книги сдѣлано было нѣсколько замѣчаній, которыхъ нѣтъ необходимости повторять теперь въ томъ же объемѣ. Что Исторія Наукъ, исполненная какъ это сдѣлано здѣсь, имѣетъ нѣкоторую цѣну въ глазахъ Общества, это достаточно доказывается тѣмъ обращеніемъ, какое уже получила эта книга. Я все-еще могу сказать, что я не видѣлъ никакихъ возраженій противъ плана этого сочиненія и едвали какія-нибудь противъ его подробностей. Попытка заключить исторію каждой науки въ Эпохи, въ которыя дѣлались какія-нибудь великія и основныя открытія, и распредѣлить второстепенныя событія каждой исторіи какъ Приготовленіе и Слѣдствія такихъ Эпохъ, кажется была встрѣчена согласіемъ, какъ удобное и хорошее изображеніе прогресса научной истины. И какъ этотъ взглядъ былъ постояннымъ свѣтомъ и руководствомъ для автора въ его трудѣ, такъ,

я полагаю, онъ сдѣлаетъ и взглядъ читателя болѣе яснымъ и обширнымъ, чѣмъ онъ былъ бы иначе. Относительно того, какимъ образомъ этотъ планъ выполненъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ писателямъ и ихъ изслѣдованіямъ, я, какъ уже сказалъ, не встрѣтилъ почти никакихъ возраженій. Я понималъ, какъ у меня сказано въ началѣ, всю трудность и деликатность обязанности, которую я на себя бралъ; но были различныя соображенія, которыя ободряли меня при этомъ; и я надѣялся,—и этой надежды до сихъ поръ ничто не нарушало,—что я буду въ состояніи говорить безпристрастно о великихъ людяхъ науки всѣхъ вѣковъ, и даже нашего собственнаго.

Я уже сказалъ, во Введеніи, что предположенный трудъ долженъ былъ быть не однимъ пересказомъ фактовъ Исторіи Науки; но и основаніемъ для Философіи Науки. Мнѣ казалось, что наше изученіе способовъ открытія истины должно быть основано на обзорѣ истинъ, уже открытыхъ. Правило, поставленное такимъ образомъ, кажется достаточно очевидно: но даже до настоящаго времени оно соблюдалось очень рѣдко. Люди, дѣлающіе изслѣдованія о природѣ Истины и способѣ ея открытія, все-еще обыкновенно сами составляютъ для истины примѣры, которые большей частью бываютъ крайне легкомысленны и несущественны (какъ въ большей части Трактатовъ о Логикѣ); или же они все только продолжаютъ раскапывать

поле математической истины, которая сама по себе, конечно, вовсе не может представлять общаго способа, которымъ человѣкъ приобрѣлъ обширный запасъ несомнѣнной истины, находящійся теперь въ его обладаніи.

Но нельзя все-таки отвергать, что Идеи, составляющія основаніе Математической Истины, участвуютъ вообще въ образованіи Научной Истины; и изслѣдованіе этихъ Идеи вовсе не бываетъ необходимо лишено своей пользы. Но надобно помнить, что кромѣ этихъ Идеи есть также другія, которыя не въ меньшей степени составляютъ корень Научной Истины; и относительно которыхъ, въ различные періоды, сдѣланы были изслѣдованія, имѣвшія важное значеніе въ прогрессѣ Научной Истины;—каковы, напримѣръ, изслѣдованія о свойствахъ и необходимыхъ атрибутахъ Матеріи. Силы. Атомовъ. Спелы. Роповъ. Организациі. Споры, происходившіе объ этихъ предметахъ, занимаютъ важное мѣсто въ исторіи Естествознанія въ ея самомъ обширномъ смыслѣ. И однако же мнѣ казалось нужнымъ вести исторію Науки, насколько она основывается на Наблюденіи, отдѣльно отъ этихъ изслѣдованій объ Идеяхъ. Поэтому отчетъ объ этихъ изслѣдованіяхъ и происшедшихъ отсюда спорахъ, хотя и составляетъ совершенно историческій и, сколько мнѣ кажется, очень любопытный и занимательный рассказъ, отложенъ до другаго сочиненія,—Философіи Ии-

дуктивныхъ Наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественное мѣсто такого разсказа — въ Философіи Науки; потому что философія науки въ настоящее время должна заключать въ себѣ результатъ и послѣднее слово всей истины, которые были извлечены изъ заблужденій и запутанности въ продолженіе этихъ прошедшихъ споровъ.

Къ настоящему изданію я сдѣлалъ нѣсколько прибавленій; отчасти для того, чтобы довести исторію, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ Наукъ, до настоящаго времени, въ предѣлахъ тѣхъ болѣе широкихъ очертаній Исторіи Науки, съ которыми одними я здѣсь имѣю дѣло; и отчасти, особенно въ первомъ томѣ, для того также, чтобы исправить и расширить нѣкоторые изъ древнѣйшихъ отдѣловъ этой исторіи. Разныя сочиненія, явившіяся въ послѣднее время, дали поводъ къ новому пересмотру разныхъ пунктовъ; и я надѣялся, что мои читатели могутъ интересоваться этими новыми соображеніями.

Я прибавлю еще нѣсколько замѣчаній изъ Предисловія къ Первому Изданію.

«Какъ легко можно предположить, я многое заимствовалъ у другихъ писателей, какъ въ исторіи отдѣльныхъ наукъ, такъ и въ философіи вообще *). Я дѣлалъ это не колеблясь, потому что

*) Въ числѣ ихъ я обязанъ въ особенности слѣдующимъ писателямъ: Tennemann's Geschichte der Philoso-

новое въ моемъ трудѣ должно было состоять не въ превосходствѣ собранія фактовъ, а въ точкѣ зрѣнія, подѣ которую они были поставлены. Впрочемъ я вездѣ указывалъ на мои авторитеты, и очень мало примѣровъ, гдѣ бы я не справлялся съ прежними историками и не изучалъ подлинныхъ писателей. Сообразно принятому плану, исторія каждой науки составляетъ особое цѣлое, раздѣленное на отдѣльныя, но стоящія въ связи части, Эпохами ея послѣдовательныхъ успѣховъ. Если своимъ выборомъ этихъ эпохъ я удовлетворю компетентныхъ судей въ каждой наукѣ, то планъ труда будетъ имѣть прочное значеніе, какъ бы ни могло быть несовершенно выполненіе которой-нибудь изъ частей.

«При всѣхъ этихъ основаніяхъ для надежды, невозможно однако не видѣть, что такое пред-

phie; Degerando. Histoire Comparée des Systèmes de Philosophie; Montucla. Histoire des Mathématiques. съ продолженіемъ Деланданда; Delambre. Astronomie Ancienne, Astronomie du Moyen Age, Astronomie Moderne, и Astronomie du Dix-huitième Siècle; Baillv. Histoire d'Astronomie Ancienne, и Histoire d'Astronomie Moderne; Voiron. Histoire d'Astronomie (изданная въ видѣ продолженія книги Бальи); Fischer, Geschichte der Physik; Gmelin's Geschichte der Chemie; Thomson's History of Chemistry; Шпренгеля, Исторія Медицины и Исторія Ботаники; и по всѣмъ отдѣламъ Естественной Исторіи и Физиологіи сочиненія Кювье, въ высшей степени замѣчательныя и наставительныя, какъ въ ихъ исторической части, такъ и во всѣхъ другихъ частяхъ.

пріятіе въ немалой степени трудно и исходъ его сомнителенъ. Но всѣ тѣ, кто рѣшается на такіе труды, должны находить увѣренность и поощреніе въ размышленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какими приготовлялся къ своимъ трудамъ ихъ великій предшественникъ;—вспоминая, что они стремятся двигать впередъ лучшіе интересы и привилегіи человѣка, и что они могутъ ожидать, что всѣ лучшіе и мудрѣйшіе изъ людей ихъ времени будутъ сочувствовать ихъ стремленіямъ и содѣйствовать ихъ трудамъ.

«Относительно себя самихъ мы не говоримъ ничего; но относительно предмета нашего труда мы требуемъ, чтобы люди считали нашей цѣлью не установленіе какого-нибудь мнѣнія, а совершеніе Труда; и чтобы они были увѣрены, что мы не кладемъ основанія какой-нибудь секты или ученія, но основанія пользы и достоинства человѣчества. Далѣе, чтобы, благопріятствуя тому, что полезно имъ самимъ, и оставляя партіи и предразсудки, они соединились съ нами для общаго дѣла, съ тѣмъ, чтобы, освободившись и защитившись нашими содѣйствіемъ отъ блужданій и препятствій, они могли также приложить свой трудъ къ тому, что еще остается совершить. И далѣе, чтобы они имѣли надежду, и не воображали себѣ этой нашей Реформы чѣмъ-то, имѣющимъ безконечные размѣры и превышающимъ силы смертнаго человѣка, когда, на дѣлѣ, она есть конецъ и истинный пре-